

Безусловно, признавая Иисуса Христа и бессмертие, Достоевский трактует смысл евангельской истины совершенно не так, как это принято в церковной традиции. Именно те изменения, которые он вносит в ключевой образ христианства, и дают ключ к разгадке его мировоззрения. Наиболее радикально его собственная интерпретация истории Иисуса выражена в истории Кириллова, которого, как мы показали в других работах, можно понимать именно как "нового Христа", как Иисуса Христа Достоевского. Но не менее выразительно те же самые новые акценты в понимании Иисуса расставлены и в истории "бунта" Ивана Карамазова, в первую очередь в поэме о Великом Инквизиторе.

Наиболее важным местом поэмы в этом смысле является изложение второго искушения, которому Иисус подвергся в пустыне. В своем монологе Инквизитор так обращается к молча слушающему его Иисусу Христу: "Когда страшный и премудрый дух поставил тебя на вершине храма и сказал тебе: *"Если хочешь узнать, сын ли ты божий, то верзись вниз, ибо сказано про того, что ангелы подхватят и понесут его, и не упадет и не расшибется, и узнаешь тогда, сын ли ты божий, и докажешь тогда, какова вера твоя в Отца твоего"*, но ты, выслушав, отверг предложение и не поддался и не бросился вниз. О конечно, ты поступил тут гордо и великолепно, как Бог, но люди-то, но слабое бунтующее племя это – они-то боги ли?" (14, 232–233; курсив мой. – И. Е.). Достаточно сравнить это изложение слов "премудрого духа" с лаконичной канонической версией (Мф. 4; Лк. 4), чтобы увидеть, насколько радикально переосмысливает Достоевский евангельский рассказ. Иисус Ивана Карамазова сам *не знает достоверно*, является ли он Сыном Божьим, он только верит в это, причем верит *свободной, человеческой верой*, т.е. как раз той верой, к которой он призывает всех людей. Но это и означает, что он – *один из них*, он "только" человек, а если и Бог, то именно в том смысле, как было разъяснено выше, – в смысле человека, достигшего *в своей земной жизни* совершенства, раскрывшего в себе исконно присущее ему измерение собственной абсолютности.

Понятно, что все это невозможно приписать каноническому Иисусу, который есть именно Бог в первом из указанных выше смыслов, и, значит, не может иметь никаких сомнений в собственной божественной природе, абсолютно превосходящей его человечность. Точно так же от догматически понятого Иисуса Христа было бы нелепо требовать доказательств его веры в Бога-Отца, такое требование имеет смысл только по отношению к человеку, который в силу своей неискоренимой и абсолютной свободы никогда не может успокоиться в своей вере, обречен на сомнения и колебания, а потому обязан постоянно доказывать свою веру, доказывать прежде всего – самому себе.

Однако продолжим чтение того же самого отрывка. Великий Инквизитор говорит далее: "О, ты понял тогда, что, сделав лишь шаг, лишь движение броситься вниз, ты тотчас бы и искусил Господа, и веру в него всю потерял, и разбился бы о землю, которую спасти пришел, и возрадовался бы умный дух, искушавший тебя" (14, 233). Если после предшествующих слов Инквизитора могли оставаться сомнения относительно каноничности образа Иисуса в рассказе Ивана, то теперь эти сомнения полностью исчезают. Здесь, по существу прямо говорится, что Иисус – *не Бог*, в смысле церковного христианства. Здесь речь уже, безусловно, идет о верующем человеке, который "держится" в жизни только своей верой, но свою веру и *потерять* может, что значит для него – погибнуть, о чем не раз говорят герои Достоевского (в том числе "земной Христос", князь Мышкин).

Теперь обратим внимание на один мотив поэмы, который на первый взгляд выглядит как странное противоречие, как некая смысловая неточность, допущенная Достоевским, но при более внимательном к нему отношении становится еще одним веским подтверждением обозначенной системы идей.

Великий Инквизитор упрекает Иисуса Христа в том, что тот не захотел сделать *чудо* главным аргументом в пользу той веры, которую он возвестил своим приходом. Эта тема, тема чуда и тайны как наиболее весомых аргументов "авторитетной" веры, необходимых в том случае, если людям не хватает сил на свободную веру, проходит через всю